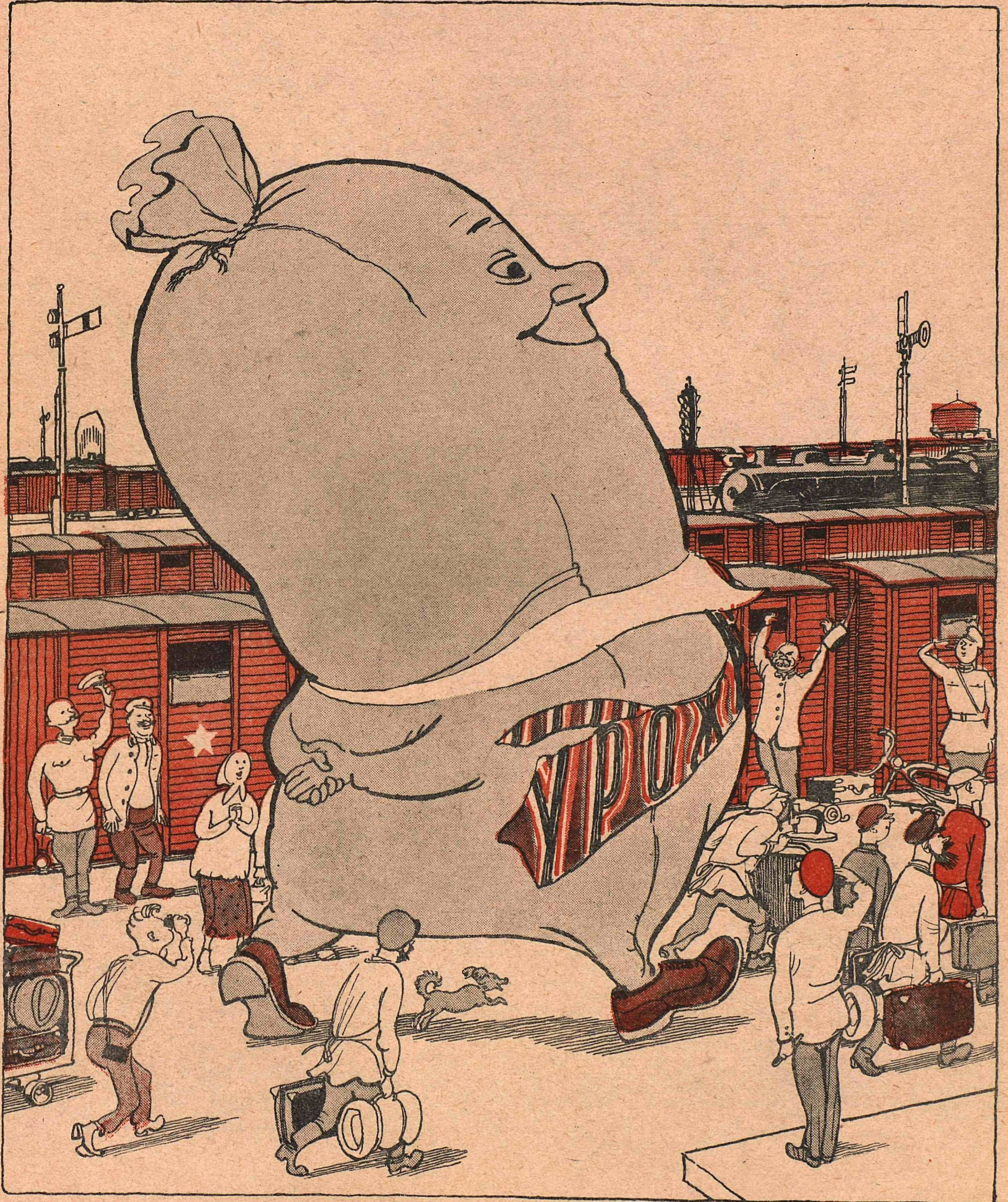

К Р О К О Д И Л

ГО Д ИЗ Д А Н И Я Х В И I

К 556/38г.

ПОЧЕТНЫЙ ПАССАЖИР

Рис. К. Рогова

Незнакомка

— Спасибо, товарищ Гусев,
я не люблю мороженое.
Только его увижу —
чувствую я испуг.
Нету меня счастливей,
нету меня тревожнее.
Еще бы. Я еду в отпуск.
К тому же куда? В Кременчуг.
Конечно, поезд, плакатка —
все это вещи привычные.
Но я, признаться, волнуясь,
сказать откровенно, дрожу.
Да что там тянуть: влюблен я.
Любовь моя необычная.
Двадцать минут до поезда,
я вам ее расскажу.
Я смотрел на полеты.
Стоял на восьмой трибуне.
Герои Союза советов
вихрем взлетали вверх.
Ни ветер, ни небо, ни сердце
не предвещали бури.
И вдруг мне соседка сказала:
— Я первый раз в Москве.
Чкалов, скажите, этот?
Я обернулся и замер:
Волос шелковистый ветер,
строгих бровей изгиб.
Глаза мои опустились
перед ее глазами.
— Чкалов? — сказал я. — Этот.
И почувствовал — я погиб.
Что было дальше, не помню.
Что-то очень тревожное.
Мы с ней гуляли в парке,
я не сводил с нее глаз.
Я был плохим собеседником
и лишь предлагал мороженое,
Кажется, слишком часто:
пять или восемь раз.
Нет, она не смеялась.
Она оказалась чудесной.
Звали ее Наташей,
фамилии я не спросил.
Мы с ней катались на лодке,
кажется, пели песни,
Кажется, что-то ели,
что именно, я забыл.
Деревья нам улыбались,
их золотил вечер.
Она немного устала,
мой милый неожиданный друг.
Мы с ней в метро спустились,
улавливая о встрече,
Я спросил ее адрес,
взял карандаш — и вдруг,

Вдруг толпа налетела,
хлынула в поезд лавиной,
Как-то нас разделила,
гудок свою песню спел.
Я кинулся следом за нею,
лоток папирос опрокинул,
Ударился в чью-то спину,
вырвался — и не успел.
Она уехала! Горем
наполнилась сердца чаша.
Неужели не повторится
вечер прекрасный наш?
Что от нее осталось?
Имя одно — Наташа.
Сколько в Москве проживает
самых различных Наташ?
Может быть, десять тысяч.
С какой из них я расстался?
Может быть, двадцать тысяч.
Какая из них моя?
Поезд пришел, я прыгнул,
я следом за ней помчался,
Наташу на каждой станции
увидеть надеялся я.
Увы, я ее не встретил.
Мелькали чужие лица.
Шесть раз я в метро возвращался,
зачем — я понять не мог.
Увидев меня, пугалась
и пряталась продавщица
И закрывала руками
опрокинутый мной лоток.
С тех пор я минуты лишней
не мог усидеть дома.
Все радиостанции мира,
казалось, о ней поют.
Выбрав свободный вечер,
я мчался к аэродрому,
Тоскуя, один проделывал
проложенный с нею маршрут.
Лето прошло. Показались
в листьях осенние пряди.
Она мне казалась выдумкой,
я думал, ее нет.
Я думал, она мне приснилась —
и вдруг, понимаете, в «Правде»,
В центре четвертой страницы,
увидел ее портрет.
— Наташа! — я пошатнулся.
Вот она! Как живая.
Вот она смотрит с портрета,
приветлива и строга.
А вот ее имя и адрес.
Так вот кто она такая,
Знатная учительница
города Кременчуга.

Так вот кто она, товарищ.
Она повсюду известна.
Друзья, отыскался, казалось,
навек потерянный след.
Адрес ее короткий
я распевад, как песню,
Я портрет ее вырезал
из двадцати газет.
Они не очень похожи,
они какие-то разные,
Но в каждом из них я угадывал
черточки той, живой,
Что вместе со мной смотрела
на солнце, на птиц, на праздник.
На самолеты, звеневшие
Над сердцем моим, над Москвой.
Нет, у меня еще в жизни
никаких достижений нету.
Проходят, вы знаете, в вузе
молодые мои года.
Она почти знаменита,
я ей написал об этом.
Наташа, она мне ответила,
сказала, что ерунда.
Сказала, что тоже запомнила
и встречу, и лодку, и ветер,
Что, может быть, между нами
протянется дружбы нить.
Что просит меня приехать,
что выйдет меня встретить,
И что вот только мороженого
просит не привозить.
Я изменил географии,
брожу я, тоской томимый.
Я отвергаю море,
ненужен мне дальний юг.
Спросите меня: «Что за город
вы считаете лучшим в мире?»
И я вам отвечу кратко:
«Считаю таким Кременчуг».
Место его на карте
я нахожу с восторгом.
Виды этого города
всегда у меня в руке.
Где б я хотел работать?
В Кременчуге только.
Где б отдохнуть хотел я?
Только в Кременчуге.
Поезд ушел. Мой знакомый
в тревоге, в волнении умчался.
Целый день я сегодня
забыть его не могу.
Друзья, я прошу, пожелаем
моему знакомому счастья.
Ведь он сейчас подъезжает
к городу Кременчугу.

ВИКТОР ГУСЕВ

О заседаниях вообще

Так и не довелось нам побывать на заседаниях президиума Новосибирского облисполкома.

И хотя мы ни разу не присутствовали на этих заседаниях, тем не менее мы берем на себя смелость кое-что рассказать о них.

Не трудно представить себе, что там происходит.

Главное — мы очень любим заседать. Много заседать. Короткое, летучее заседание у многих работников не в почете. Это несолидно. Стоит ли собираться минут на двадцать, тридцать? Уж ежели заседать, то минимум часов шесть, восемь.

Кроме всего прочего — разве это, скажите пожалуйста, заседание, на котором участвует всего пять-восемь человек? Это — несолидно. Уж ежели заседать, то по-настоящему — созвать человек шестьдесят, сто!

Многие наши работники ежедневно отдают заседаниям шесть, восемь, десять часов. Так что на связь с массами, на самокритику и на внимание к живому человеку времени почти не остается.

Вы приходите по делу к местному ответственному товарищу. У дверей его кабинета сидит скукающий, утомленный от безделья секретарь. Он смотрит на вас с удивлением:

— Что? Вам Ивана Петровича? Сегодня не удастся. Он теперь на бюро. После бюро — президиум. После президиума — пленум. А вече-

ром — междуведомственная комиссия. Может, завтра зайдете? Хотя завтра... Да, с утра у Ивана Петровича — топливное совещание, а потом — дорожное совещание, затем какое-то заседание, после чего какой-то президиум. А как послезавтра? Трудно сказать. Но по всей вероятности с утра он будет занят на согласительной комиссии...

Вы сразу чувствуете, что Ивана Петровича голыми руками не возьмешь, что он — большой, недостижимый человек, а вы — какой-то проситель, какое-то крохотное, ничтожное существо.

Ах, как любят заседать некоторые товарищи! Возьмем, к примеру, тов. Романова, заместителя председателя Новосибирского облисполкома.

Эта страсть тов. Романова внушает нам серьезные опасения. Подумать только — недавно под его председательством состоялось заседание президиума Новосибирского облисполкома, которое началось в 6 часов вечера и кончилось в 2 часа ночи. Восемь часов непрерывного заседания!

Не думайте, что заседание было такое интересное, такое оживленное, что оно «затянулось». А все дело в том, что на повестку дня президиума был поставлен 31 (тридцать один!) вопрос!

Меньше никак нельзя было. Это — несолидно. А тут — восьмичасовое заседание, приглашено человек семьдесят. Приятно, знаете ли, посидеть за председательским столом на таком вече.

ГИБЕЛЬ НАДЕЖДЫ

Рис. Л. Генча

- Ну и дрянь же этот Синичкин! Вот подвел!
 — А что?
 — Да я на него три заявления подал, а он, подлец, оказался честным человеком.

И В ЧАСТНОСТИ

31 вопрос! В среднем на каждый вопрос минут пятнадцать. Точно резвая птичка, прыгающая с ветки на ветку, товарищ Романов легко и небрежно скакал с одного вопроса на другой.

В этой повестке собраны все важнейшие вопросы, которыми живет область. Всё! Так и кажется, что после этого можно целый год не заседать.

Первый вопрос — утверждение плана развития животноводства на 1938 год по колхозам области.

Второй вопрос — о народнохозяйственном плане на III квартал 1938 года по местному хозяйству.

Дальше следуют вопросы:

О состоянии работы по дошкольному образованию.

О ходе выполнения плана завоза товаров на Крайнем Севере в 1938 году.

Об улучшении обслуживания концертами трудящихся области.

О плане землеустроительных работ.

О капитальном ремонте коммунальных бань в городе Кемерове.

И так далее и так далее. Все смешалось в кучу — план развития животноводства, концерты, бани, ясли, землеустройство, кожсырье.

Мелькали докладчики, содокладчики.

— Короче, товарищи, короче. У нас еще большая повестка дня. У вас есть вопрос? Некогда, товарищ. Вы хотите высказаться? Сегодня

никак не удастся. Сами видите, какая у нас повестка дня. Закругляйтесь, товарищ. Переходим к следующему пункту.

А следующий пункт (как и некоторые предыдущие пункты) вовсе не нуждался в том, чтоб его обсуждали на таком большом заседании. Его легко можно было разрешить в рабочем порядке. Но тогда повестка заседания будет небольшая. А это несолідно.

И десятки людей сидят часами, томятся, потеют и будто бы участвуют в обсуждении и решении каких-то вопросов.

Курящие участники заседания то и дело выходили покурить. Курили долго, по две—три папиросы одну за другой. Некурящие завистливо косились на них.

А в курилке люди облегченно вздыхали и говорили друг другу:

— Чего это он? А?

— Очень просто. Председатель уехал в Москву. Вот заместитель и хочет показать свою работу...

И уходили в зал заседания — страдать и томиться.

Мы уверены, что товарищ Романов не будет упрямым и чисто сердечно признает, что так не надо было делать.

Одного мы только боимся. Чтобы вопрос «Как не надо заседать» не был включен 32-м пунктом в повестку дня президиума Новосибирского облисполкома.

Г. РЫКЛИН

Рис. Л. Бродягы

СУД ПО-ПОЛЬСКИ

- На базар несешь?
- Нет, пан Казимир, в суд: там будет слушаться мое дело...

Свинья

„Франко“

В Мадриде издана книга о «батальоне Чапаева» — одной из самых славных частей XIII интернациональной бригады, сражавшейся с большим мужеством под Тэруэлем и Малагой, в Сьерра-Неваде, у Пособланко и Брунете.

В книге опубликованы материалы из батальонной газеты «Антифашист в бою» и ротных стенгазет. Кроме того 78 бойцов написали специально для этой книги свои воспоминания и впечатления о фронтовой жизни. Некоторые из этих воспоминаний написаны в шуточной форме. Ниже мы печатаем один из таких отрывков.

ОДНАЖДЫ, вскоре после нашего вступления в Вальсекильо и Ла-Гранхуэла, в батальонный штаб прибежал один из наших телефонистов с мешком на спине. В мешке что-то тихо повизгивало. Телефонист утверждал, что то, что там повизгивает, это и есть его обед. Мы, конечно, обследовали содержимое мешка и вытащили из него маленькую и совершенно черную, как воронье крыло, свинью. Ростом она была не больше кролика, сильно отошала и выглядела очень жалкой. Мы пришли к выводу, что это никак нельзя назвать «обедом», разве только через несколько месяцев, при хорошем уходе. Охрана штаба решила взять животное под свою опеку. Наш повар обещал ее хорошо кормить, и на следующий день мы уже придумали ей кличку: «Франко».

Трудно было подыскать более подходящее имя. Наглость, бесстыдство, жадность, заносчивость — таковы были отличительные качества нашей новой гостьи. Принимая во внимание эти обстоятельства, никто не предсказывал ей долгую жизнь. Через 8 дней «Франко» уже заметно округлилась. Брюхо ее стало больше, чем расстояние от морды до хвоста. Она вечно торчала в кухне и поминутно тыкала повара пяточком, выпрашивая у него новую подачку.

Решено было ее каждый день купать, чтобы она всегда выглядела чистой. После купанья «Франко» сейчас же стремилась улечься в чью-нибудь постель. Приходилось вытаскивать ее за уши, но ничего не помогало, через пять минут она была уже снова там. При попытке прогнать ее она подымала такой пронзительный визг, что весь штаб вскакивал на ноги и хватался за оружие.

Однажды — это был тяжелый день, все товарищи устали и были голодны — «Франко» воспользовалась тем, что никто не обращал на нее внимания, и кинулась к стоящему на земле горшку с ужином для батальонного штаба, влезла в него с передними ногами и, хрюкая, проглотила лучшие куски. То обстоятельство, что «Франко» уцелела, можно объяснить только усталостью товарищей.

В наказание «Франко» пришлось отсидеть 15 дней под арестом в конюшне. Это пошло ей впрок, и она стала еще круглее. То и дело

можно было видеть товарищей, которые, двусмысленно посмеиваясь, приподымали «Франко», примеряя, сколько она прибавила в весе. При этом они уже чувствовали во рту вкус жареной свинины. Можно было предполагать, что осталось уже немного времени до того момента, когда «Франко», которая каждый день учиняла какой-нибудь новый ущерб, придется познакомиться с ножом. Но тут снова пришла отсрочка. Командир 1-й роты Густе объявил, что его ребята собираются украсть свинью.

Ну, наш батальонный штаб тоже умеет отстаивать свою честь. Обкрадывать себя мы никому не позволим. Во всяком случае, Густе проявил большое легкомыслие, заключая пари на десять бутылок вина, что ему все-таки удастся утащить «Франко».

Если кто-нибудь пытался хотя бы только дотронуться до «Франко», она подымала такой нестерпимый визг, что стены дрожали. Мы уже несколько раз использовали это свойство «Франко», для того чтобы при приближении фашистских самолетов предупреждать разбросанных на далеком расстоянии друг от друга товарищей. Визг «Франко» лучше всякой сирены разносился на много километров.

Прежде чем меня перевели в штаб бригады, я подробно растолковал своему новому заместителю лейтенанту Альфреду его обязанности, в том числе также обязанность защищать честь батальонного штаба, которая может сильно пострадать в случае похищения свиньи «Франко», и поручил ему заботиться об ее дальнейшей безопасности.

Людвиг

ЭТО ВЕРНО, что передавая мне свои дела, Людвиг рассказал мне также и о свинье «Франко». Мое положение оказалось, однако, очень затруднительным, ибо как раз в этот момент было признано необходимым приступить к организации хорошего наблюдательного пункта в зоне расположения третьей роты. В связи с этим мне часто приходилось есть из одного котелка с Густе, который командовал всем участком. Густе признался мне, что с помощью одного «предателя» из батальонного штаба он имел возможность украсть свинью, но, ввиду того что как раз в это время ему пришлось заменить заболевшего командира батальона Отто Брунера, он не считал для себя удобным использовать этот шанс.

Со свиньей «Франко» я познакомился впервые в тот день, когда я получил поручение приготовить для батальонного штаба несколько карт занятой нами местности. Я сидел в кресле с блокнотом на коленях, в тенистом уголке около штаба. Вдруг я услышал пронзительный визг и громкую ругань, шум, крик и звон падающей посуды. Несколько полен дров пролетело по воздуху, потом в дверях кухни показалась «Франко», черная и блестящая как ворона, и, дико визжа, стала носиться в своем свином галопе вокруг дома. За ней выбежал

с палкой один из помощников нашего повара. Сильно разъяренный, задыхаясь и сопя, он гнался за «Франко». Но «Франко» оказалась более прыткой. Парню трудно было за ней угнаться. Пробегая мимо меня, он успел крикнуть мне, что эта «проклятая свинья» только что опрокинула бак с горячим кофе.

Однако постепенно темп бега начал спадать. «Франко» бежала всего в десяти шагах от парня, издевательски хрюкая. Потом к ним присоединился еще и третий. Это был наш козел, пожилое и угрюмое создание. Он обладал удивительным свойством времени от времени неожиданно появляться на крыше дома. Мы постоянно ломали себе голову: каким образом он ухитрялся туда взбираться?

Козел наблюдал из некоторого отдаления охоту за «Франко» и постепенно подходил все ближе. После третьего или четвертого круга он тоже присоединился к бегу и занял дистанцию приблизительно в десяти шагах позади парня. Таким образом все трое обегали вокруг дома двенадцать или пятнадцать раз. Впереди — «Франко», боязливо оглядываясь назад, не уменьшилось ли расстояние, и сердито повизгивая, а за ней — помощник повара, проклятая, угрожая, сопя, и сзади него, на расстоянии десяти шагов, нудно блеющий козел.

Я чуть не свалился со стула от смеха. В конце концов «Франко» все-таки пришла крышка. За несколько часов до получения приказа о смене, батальонный штаб пришел к выводу, что она стала достаточно зрелой для наших желудков.

Едва только ее успели заколоть, как прибыл приказ сниматься с позиции. Но так как исполнение этого приказа после этого неожиданно было задержано почти на 48 часов, то у нас осталось достаточно времени, чтобы отдать дань заботливо приготовленному жаркому. Густе тоже был в числе приглашенных. Он проиграл пари.

Альфред

Радиостудия в городе N

Вслед за петухами и дворниками в нашем городе просыпается радио. Ровно в пять тридцать пыльная труба над базаром начинает кряхтеть и шипеть.

— ...рит... радио... а волне...—бормочет труба.— Бобрутр-р...

— ...бр-р... утр-р... — откликается соседняя труба у кино «Капитолия». А из чащи тополей городского парка, где висит среди шаров омелы третий рупор, доносится сухой, старческий кашель: говорить полным голосом мешает воронье гнездо.

— О-ох, глубже... о-ох... выдох,—командует рупор.— Днафрагму расслабить. А-ак... хорошо.

Судя по басу, инструктор физкультуры — человек грубоватый, мускулистый, с мощной грудной клеткой. Но радио шутит зло: на самом деле в радиостудии, обитой парусиной и войлоком, перед микрофоном сидит доктор Цибиас, чахоточный и близорукий человечек в темных очках. Крича слова команды, он косясь на часы и поминутно устало зеваает: «В девять амбулаторный прием», — думает Цибиас, — хорошо бы вздремнуть полчаса здесь, на диване».

— О-ох, выдох... — «Мух только много...» — Шире клетку, ать—два.

Угрюмо посоветовав слушателям окатиться холодной водой, доктор торопливо уходит.

Трубы умолкают. Надолго ли? В радиоредакции уже настраивается контрабас, ноют флейты, и редактор, добродушный, потный человек, в малиновой тубетейке, под этот аккомпанемент, диктует машинистке обзор: «Политика Англии в Центральной Европе».

— Двойная игра господина Чемберлена нам очень ясна, — говорит строго редактор. — Точка. Абзац! Мы снова и снова со всей остротой ощущаем за кулисами запах горящего пороха, на котором с беспечной улыбкой, с одной стороны, и с факелом — с другой, сидит дипломатия, бессильная, увы, обуздать трех злобных китов современной агрессии, которые, будучи раздираемы жадной авантюрой, с одной стороны...

Фразу давно бы пора оборвать, но подлое слово «который», цепляется к каждой мысли. Редактор чувствует себя, точно человек, ставший в первый раз на коньки. Разбежался, а ноги вихляются, и нет конца гладкому льду.

Между тем в студию вносят звуковую аппаратуру для детской передачи: кусок рельса, автомобильную грушу, барабан и жестянку с камнями.

Детей развлекают трое: диктор Капочка — застенчивая пожилая девица в пенсне, — солистка радиостудии — толстуха тетя Оля — и сам Модест Петрович — ядовитый старичок в зеленом галстуке и в ботинках с ластиком на боках. В редакции он делает все: читает, подражает животным, пишет радиопьесы, дает советы домохозяйкам и ведет музыкальные пояснения. Модест Петрович пережил семнадцать редакторов и смотрит поэту устало и мудро. Эфир — его родная стихия.

Капочка громко читает:

«В синем море волны плещут,
В синем небе звезды блещут».

Слышно кипенье и бульканье закипевшего чайника. Это — море.

В полдень телефон начинает надрывно звонить. Слушатели жалуются, что изо всех приемников рвутся грохот, царапанье, лязг железа... Только изредка доносится, будто из подвала, прерываемый спазмами неумеренно восторженный голос.

—... ушайте... Мы паровозном котле... Это стучит знатный клепальщик Носов... Слушайте... Дети принесли ему завтрак. Мы чувствуем запах ватрушек.

... Модест Петрович и Капочка читают без пауз, вырывая друг у друга листок. Модест Петрович торжественно, немного гнусаво, Капочка нараспев, тем уныло наставительным голосом, каким говорят обычно с маленькими воронками варенья и радиослушателями. Только стихи и торговую хронику она читает иначе: с искренним темпераментом, подвывая и задыхаясь от восторга.

Передача идет ровно, если не считать небольших технических трудностей. Под столом, среди невообразимой путаницы проводов, ползает с перочинным ножом молодой, но самоуверенный техник. Он кромсает, зачищает, соединяет звонкую проволоку, от чего все приемники в городе беспрерывно икают.

Изредка со второго этажа, где духовой оркестр Освода разучивает траурный марш, прорывается величественный рев геликона. Тогда Модест Петрович вскакивает и стучит в потолок щеткой.

— Дикари! — кричит он иступленно. — Тише! Здесь эфир.

И вдруг Капочка начинает ерзать и поправлять пенсне. Ее сосед поспешно хватается за выключатель. Если не помочь, испуганная Капочка начнет заикаться и бормотать после каждого слова, поправляясь, «простите».

— Что еще? — спрашивает Модест Петрович свирепо.

— Ради бога... Бургос или Бургос?

Ломая карандаш, диктор ставит жирные палочки. Капа безнадежна. Вот уже третий год она читает, извиняется и снова читает: «агентство, премьер, деятельный, Чукотка, Чикаго, Лондон, Людовик».

Даже ночь не приносит облегченья городу: концерт. У микрофона артистка оперетты Эсфирь Абрамовна Дрында, хмурая, горбоносая, в зеленых чулках. Она не поет, а стонет, запрокинув голову, шевеля подкрашенными ногтями.

Возле стекла, отделяющего студию от редакции, группа слушателей: маленький, краснощекий редактор смотрит на певичку с почтительным страхом, а когда Дрында с силой выкрикивает: «Ты смотри ни-ко-му не расска-зы-вай», — редактор чувствует, как покрывается мурашками кожа... Велика сила искусства!

Между тем по пятам за редактором давно уже бродит с озабоченным видом уборщица.

— Вам звонили, — вздыхает она, — а насчет чего, извините, забыла.

— Потом, потом вспомнишь.

С опозданием на двадцать минут появляется музыкальный эксцентрик, заспанный, неряш-

ливый человек в полосатой ковбойке и крагах. Глаза его мутно веселы, на щеке отпечаталось сено. Вслед за ним измазанный мальчик вносит мешок и треножник, утыканный большими гвоздями.

— Как, уже?! — восклицает эксцентрик. — Боря, воронку! Не раздави фа-диез!

Из мешка на ковер высыпаются «нотки». Банка из-под варенья изображает октаву. Водочные половинки поют тенорами. А верхние регистры занимают лампадки, мерзавчики, лафитники, скипидарные пузырьки и прочая музыкальная мелочь. Последним извлекается из кармана звук «си» — зеленая рюмка с обломанной ножкой.

Пока эксцентрик подвешивает и наполняет водой разноцветные нотки, редактор мечется от стола к столу в поисках материала. Позор! В эфире дыра. Уже двадцать минут, как в городе молчат все приемники.

— Модест Петрович! Родной!

Мазок клея, взмах ножниц, и Капочка несет к микрофону спасательный пойс:

— Юные натуралисты, слушайте, слушайте, — бормочет она торопливо, — передаем десятиминутку природы.

— До-ми-соль-до, — поет за занавеской эксцентрик.

— Оглянитесь кругом, — читает, запыхавшись, Капочка, — и вы наверняка поразитесь высоте беобахов... поправляюсь — высоте баобабов. Из коры великанов, укрывавших еще матросов Колумба, делают теперь канифоль, поплавки, нафталин, бумеранги, а также одна ложка нашатыря на полстакана козьего моло...

И сразу три рупора срываются на гусиное шипенье Модеста Петровича.

— Чорт, что вы наделали?! Поправку!

— Виновата, — говорит Капочка голосом, полным отчаянья. — По техническим причинам... поправляюсь... из беседы с домашними хозяйками вкралась...

От дальнейшего позора ее спасает эксцентрик.

— Прошу. Чайковский. Вальсе!

Он играет вдохновенно, отчаянно, не стесняя себя ни ритмом, ни мелодией. Пузырьки щебечут, банки гудят, боржомные бутылки вскрикивают фальшивыми голосами. Если верно, что покойники ворочаются в гробах, кости Чайковского давно превратились в муку. Вальсу на бутылках исполняется пятый год.

Концерт с перерывами длится полдня.

День завершается лекцией «Бетховен как таковой».

— Имя Бетховена широко известно не только у нас, но и за границей, — сонно бормочет Капочка. — Перешагнув, несмотря на глухоту, через Баха...

У дверей дремлет на табуретке уборщица. Убаюканная гудением Друды, она заснула в самом начале концерта.

Вдруг уборщица вскакивает, удивленно смотрит на Капочку и бежит к редактору.

— Вспомнила! — кричит она радостно — С радиостанции звонили!.. У них в обед динамо сломалось!

Редактор тупо смотрит на часы. Скоро полночь.

С. ДИКОВСКИЙ

ЖАРГОН

«Ты один мне поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!»

И. С. Тургенев

Матч только что окончился. Двое обмениваются впечатлениями. Разговор резкий и специфический как телеграфный код.

- Вот это вздрючили! Это причесали!
 - Да, приехали наши от ваших...
 - Крепко их привезли?
 - Зарубили, будь здоров!
 - Ну, а ты как?
 - Стою.
 - Кем стоишь?
 - Когда кем. Больше правым.
 - А Миша жмет?
 - Жмет.
 - За вас жмет?
 - За нас. А ты все запиливаешь?
 - Нет, вчера Петьке просypал.
 - Ну, Петька — не подарок. Он всех придерет.
 - Ну, поперли.
- И они попер... простите, пошли к выходу.

Доклад только что окончился.

- Василий Петрович!
- Петр Васильич!
- Отраднй факт! Как состояние организма?
- На сегодняшний день, в основном, удовлетворительно.
- А по линии семейства?
- На уровне. А как у вас в области здоровья?
- Неважно, знаете. За этот отрезок времени целый ряд недочетов.
- Температура на должной высоте?
- Даже с превышением. В целом, солидные организационные неполадки. Правда, ожидается сдвиг.
- Где?
- В почках. И еще в области желудка.
- А по линии ноги?
- Намечался перелом, но теперь имеются кое-какие перспективы.
- Ну, примем к сведению.
- Не возражаю.
- Так. Мое время, значит, истекло. С товарищеским приветом.
- Пока. Звякайте.
- Звякну.

И они разошлись. Один отбыл в столовую на предмет введения пищи в организм. Другой направился к месту жительства, используя городскую транспорт.

Очередная румба только что окончилась. Возле оркестра медленно размыкают объятия он и она. Он продолжает светский разговор:

- Вы все цветете, Аллочка.
 - Ах, что вы! Просто наивно вас слушать.
 - Как же, туфельки-то у вас — шик, блеск, красота!
 - Тра-та-та! Тра-та-та!
 - Не верите? Вот я тоже вчера отхватил костюмчик — закачаешься!
 - Серьезно?
 - От той мамы!
 - Потрясающе!
 - Видик будет тот! Будьте уверочки!
 - Класс! А у меня муж всегда в дикообразном состоянии. Ничего достать не может, прямо псих!
 - В «Эрмитаж» смотались уже? На открытую сцену?
 - Конечно. Мы с Верочкой просто потряслись.
 - Да, уж отрывают, будьте ласковы.
 - А танцы! Какие па! Прямо изумительно посмотреть...
 - Вой саксофона прерывает беседу.
 - Пермете? — спрашивает он.
 - Плиз, — отвечает она.
- И они «отрывают» очередной кунк-степ.

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

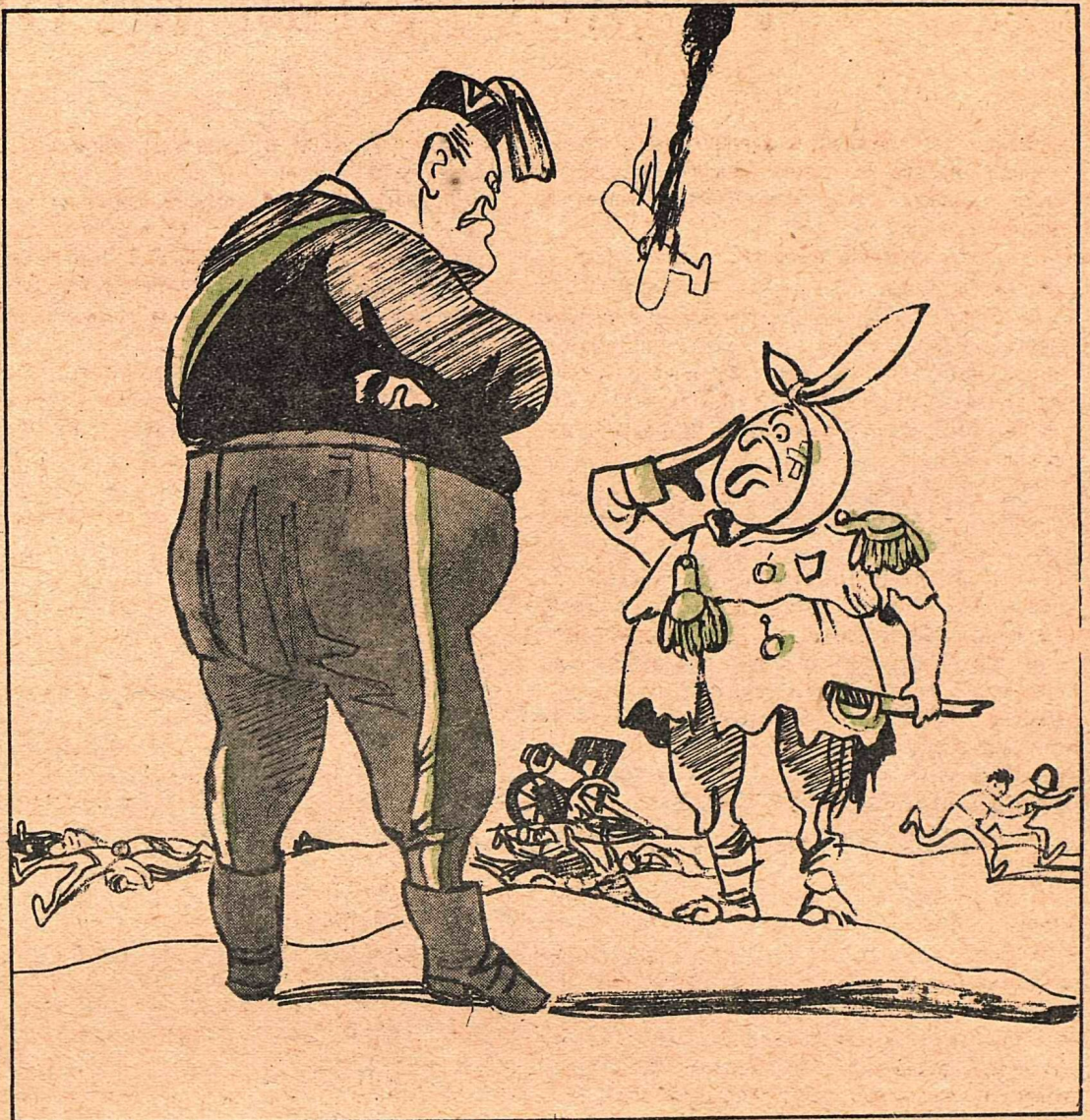

Рис. Л. Бродаты

— Осмелюсь, дуче, доложить о новой победе: вчера противник сбил двенадцать наших самолетов, а сегодня только десять.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

ХОРОШИЕ ПРЕДКИ

- Значит, весь ваш капитал — это трудовые денежки?
- Да, мои предки очень много в своей жизни поработали!

ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ

- Если мой начальник не возьмет своих слов обратно, я буду вынужден оставить службу.
- А что он вам сказал?
- Он сказал: «Вы уволены».

ФАМИЛЬНАЯ ВАЗА

- Мама, знаешь ту фарфоровую вазу, что передавалась у нас в семье из поколения в поколение?
- Да.
- Так вот эту вазу мое поколение разбило.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

МУЖ (жене):— Вот тебе, милочка, билет на сегодня в цирк, говорят, там очень хорошая программа. Один фокусник приготавливает из одного яйца двадцать яичниц. Внимательно посмотри, как он это проделывает...

В ЦИРКЕ

- Что там за шум?
- Нет, ничего, это наша женщина с двумя головами сама с собой поругалась.

СИЛА ПРИВЫЧКИ

ПЕРВЫЙ ПАРИКМАХЕР: — Вы, однако, опоздали.

ВТОРОЙ ПАРИКМАХЕР: — Стал, знаете, перед уходом бриться, да по привычке уговорил самого себя постричься, вымыть голову и сделать массаж лица.

(„Mechanics magazine“).

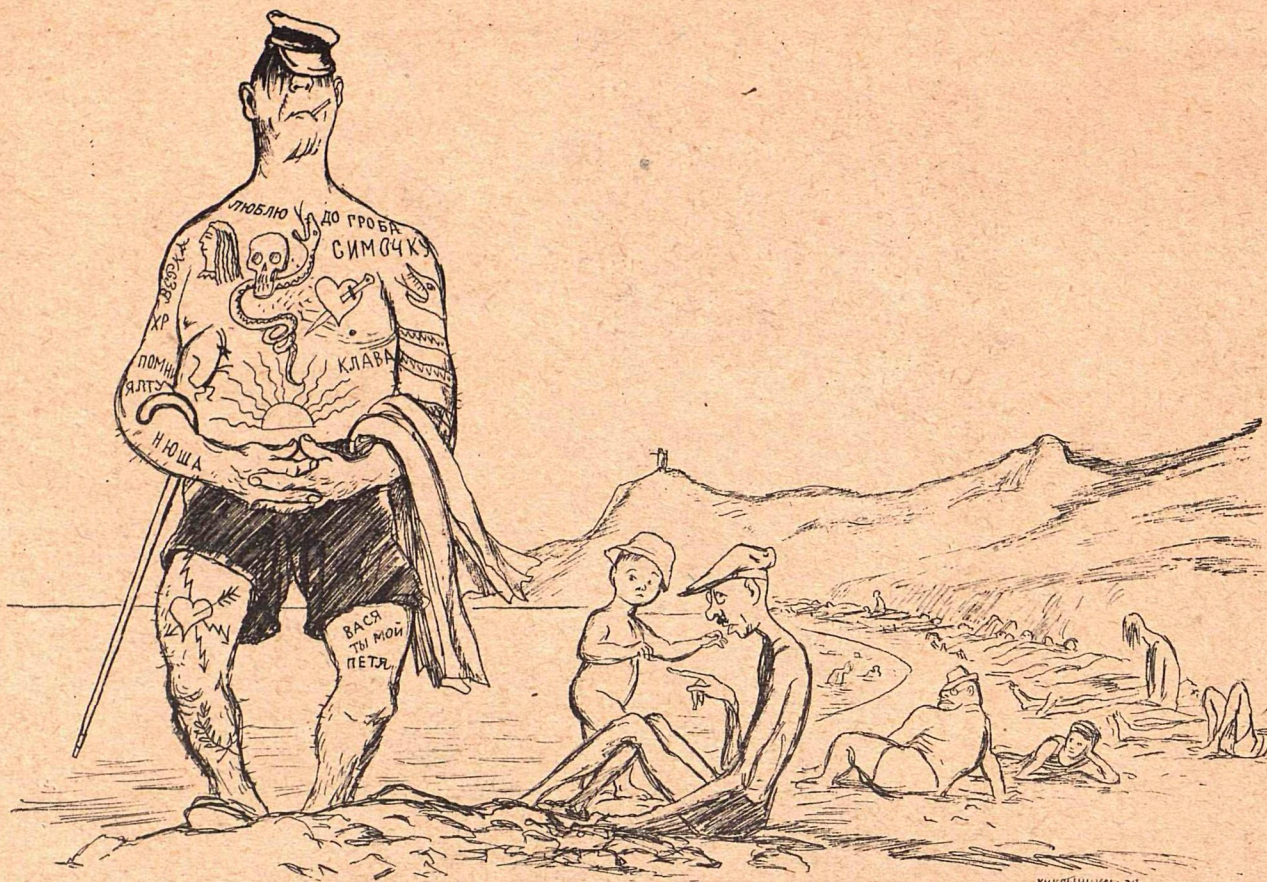

Рис. Кукрыниксы

НЕНАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ

— Вот, Коля, если не будешь слушаться, и с тобой то же будет!.

ОН: — Мне кажется, если мы не будем так правдивы, как сейчас...

Была без рад

ОДИН молодой гражданин написал мне письмо с просьбой помочь ему в его нестерпимом горе.

Это письмо он послал на адрес редакции журнала Крокодил. Поэтому вся наша редакционная общественность сильно заинтересовалась судьбой этого человека и поручила мне что-нибудь сделать.

Я хотел было тиснуть в печать все это письмо целиком. Но, к сожалению, оно длинное, не очень-то грамотное, и вдобавок оно написано в момент сильного душевного волнения, так что стиль там неровный и слог чорт знает какой.

По этой причине мы решили напечатать только некоторые выдержки из письма. А все остальное мы для ясности восприятия расскажем собственными словами.

В общем вот как у них было.

В феврале 1937 года один молодой человек, некто Мишин (автор письма), прибыл на работу в совхоз, в политотдел.

И вечером, беседа с председателем рабочкома, он с более общих тем перешел на частные темы и, вздохнувши, сказал председателю: дескать, вот приходится работать в глуши, дескать, досадно ничего особенного не видеть, дескать, как тут у вас насчет женщин: «Хорошеньких, небось, совсем нет? Очень мало! Уж не знаю, право, как я тут буду у вас работать».

Председатель рабочкома, покраснев, сказал, что вот было бы чудно, если б он месяц назад приехал. Вот тогда тут в совхозе работала одна агрономша-красавица, Ася Комарова. Вот она действительно имела выдающуюся внешность и, наверно, понравилась бы приезжему. Но она, к сожалению, уже уехала на

место своего жительства. А тут сейчас осталась другая агрономша — ее подруга, которая далеко не красавица, если не сказать больше.

В общем второй агрономшей наш молодой человек не заинтересовался и, вздохнувши еще раз, сказал, что ему просто не везет и он теперь прямо не представляет, чем бы ему здесь заняться в свободное время.

Немного выпив и поговорив еще кое о чем, собеседники разошлись.

Потянулась будничная жизнь. Скучая и грустя, наш молодой человек зашел как-то от нечего делать на почту. И поинтересовался, много ли сельские жители пишут. И, узнав, что много, стал разбирать эти письма и стал глядеть на конверты, чтобы увидеть, кто, куда и кому пишет.

И вдруг на одном письме он увидел заветную фамилию — «Комарова».

Внимательно прочитав конверт, он увидел, что это письмо адресовано Асе Комаровой, этой красавице-агрономше, о которой как раз ему и говорил председатель рабочкома. Обратный адрес на конверте указывал, что это письмо посылает другая агрономша, ее подруга, оставшаяся тут в совхозе.

Дрожащей рукой наш молодой человек списал адрес и, придя домой, настроил красавице письмо: дескать, ах, как жаль, что она уехала, дескать, вот было бы счастье, если б она была тут. Дескать, не хотите ли, Ася, переписываться? Я буду, дескать, вам писать, а вы мне, и, может быть, в дальнейшем у нас с вами что-нибудь завяжется интересенькое.

Вот он посылает это письмо и через несколько дней дрожащий от счастья получает ответ: дескать, вот и хорошо, я оценила ваш порыв, ладно, я буду вам отвечать на ваши

письма, это до некоторой степени интересно, пишите.

И вот у них завязалась переписка.

Они вскоре обменялись фотографическими карточками. И оба были поражены и обрадованы, что их надежды оправдались и заветные мечты сбылись.

После этого письма наполнились нежными словами и обещаниями. И в сердцах наших героев разгорелась любовь.

Молодой человек чуть не ежедневно строил ей о том, о сем. И она ему отвечала.

Больше года у них шла переписка. И, наконец, они поняли, что не могут жить друг без друга.

Он обещал приехать к ней. Но у него не было хорошего зимнего пальто, и потому свой приезд он переложил на лето.

В общем 23 июля сего года он поехал к ней на станцию Т...

Наше закрученное перо, уважаемый читатель, навряд ли может справиться с описанием дальнейших событий, а потому мы предоставим автору письма самому высказаться. Вот как он пишет по этому поводу:

«27 июля я прибыл туда, где она жила. Прибыл утром. И пошел в гостиницу, так как мне надо было привести себя в порядок. Мне отвели общий зал и койку из двух досток за 50 копеек. Когда я посмотрел свой номер мне стало «жутко» — зачем я сюда приехал. И я как дурак просидел в этом номере полсуток. А потом взял свой «чемодан» и решил идти на квартиру к своей возлюбленной и там с ней ознакомиться, чем ей сюда придти и видеть то, что здесь есть».

Рис. Л. Генча

ПЛЯЖЕ

с вами пересядем, то надписи на зонтах

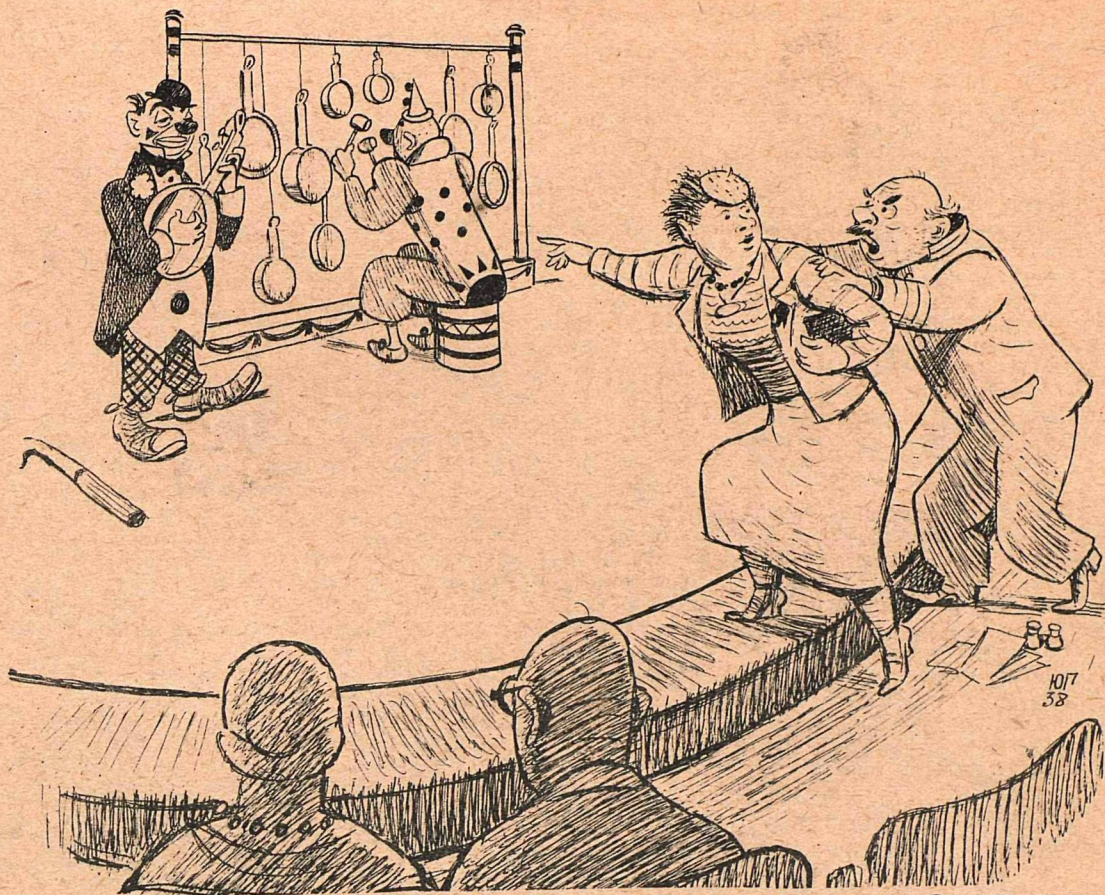

Рис. Ю. Ганфа

НОМЕР ПРОХОДИТ С УСПЕХОМ

— Куда? Зачем на арену лезете?
— Хочу спросить у клоунов, где они купили кастрюли.

ДОСТИ ЛЮБОВЬ

В общем молодой человек поступил, конечно, правильно. Воображаем, что это был за номер, если приезжего охватила жуть и он «полсуток» сидел в нерешимости, что ему делать. И так, он пошел к ней. Вот как об этом он пишет:

«В четыре часа дня я прибыл на квартиру к Комаровой. Но там была одна бабушка, а две сестры Ася и Женя и их мать «Анна Петровна» были на «базаре». Я их жду, когда они придут с «базара». И вот я «сежу» и жду как «дурак». И меня трясет и всего ломает, как «малярия». То есть я «сежу» как на угольях. Тогда я решил переодеться, чтоб вид иметь лучше. Пока я переодевался в это время пришла с «базара» ее младшая сестра Женя. Бабушка через окно ей сказала: не входите, тут в «коридоре» переодевается один приезжий человек. И она Женя влезла в дом через окно. И меня спросила, зачем я тут переодеваюсь. Я ей сказал: я жду мою возлюбленную Асю Комарову. Женя сказала: я ее сестра, она сейчас придет с «базара». Через двадцать минут на «велосипеде» быстро округ дома проехала Ася, которую я жду. Я пошел ей навстречу, и ей отрекомендовался, что я самый тот «герой», который вас любил заочно год и четыре месяца. Ася в это время была очень взволнована и крайне удивлена. И смотрела на меня, как будто бы это был не я, а кто-нибудь другой».

Волнение чувств у автора письма не позволяет ему описывать дальнейшее с прежней четкостью. Он перескакивает с предмета на предмет и пишет несурзано, так что мы и не рискуем предлагать читателю конец его письма.

Скажем кратко. Ася Комарова не задерживала его долго в помещении. Она сказала, что тут неудобно им беседовать и что пусть он вечером придет в «садик» (почему некоторые слова автор письма берет в кавычки, мы не понимаем).

В общем наш молодой герой, взволнованный и потрясенный, пошел вечером в «садик». Но, не дойдя до «садика», он встретил Асю, которая ему прямо сказала: «Вы мне совершенно не нравитесь».

Молодой человек «стоял, как громом ошарашен».

Печальную сцену расставанья он описывает так:

«Я сказал ей: Но вы же меня полюбили. Она мне сказала: Нет, надо видеть живую действительность, а фотография не то передает, что ожидаешь». Я спросил ее: Сколько сейчас время? Она ответила мне: Уже одиннадцать часов. Я сказал: Я на «поезд» опоздал... Я не мог успеть уехать обратно и я провел всю ночь один и не мог спать ни минуты. И мне еще «сутки» надо было ждать до отхода «поезда». И я не помня себя, как в «угаре» дождался «поезда». И уехал от своей знакомой».

На этом письмо заканчивается.

К письму автор делает приписку:

«1) Прошу вашего совета, что мне сделать.
2) Не могу ли я через милицию отобрать у нее мои письма, хотя она и говорит, что рвала их, но я полагаю, что она хранит их у себя.
3) Можно ли этот материал поместить в одном из журналов?»

Отвечаем: 1) Делать ничего не надо. Надо пережить разлуку. И надо, приведя свои чувства в порядок, полюбить какую-нибудь другую девушку не заочно и не по фотографии, а в реальной действительности. Тогда не будет таких огорчений.

2) Через милицию отобрать письма не можете. А если она говорит, что она письма рвала, то это скорей всего так и есть. Похоже на то.

3) Материал помещаем в журнале. Но помещаем не с тем, чтобы обличить девушку. Наоборот.

По нашему мнению, молодой наш герой совершил грубую ошибку и даже провинность, за что и был по заслугам наказан жизнью. Наш герой влез на почту и сунул свой нос в чужие письма.

Мы удивляемся, как начальник почтового отделения допустил до этого.

Пронырливый молодой герой списал с чужого письма адрес. И сам заварил всю кашу. Вдобавок и фотографию он, наверно, послал какую-нибудь особенную. Наверно, умолил фотографа, чтоб тот замазал бы ему все угри и прыщи. Вот оно и получилось, что возлюбленная его не признала.

А если не признала и не полюбила, то уж тут, как говорится, и сам прокурор не поможет.

Советуем завить горе веревочкой и предать все забвению.

Была без радости любовь, разлука будет без печали.

Мих. ЗОЩЕНКО

БОЛЕЗНЬ С ОСЛОЖНЕНИЕМ

Студент Ростовского государственного университета член профсоюза А. Е. Никитин давно страдал ревматизмом в острой форме. Больному угрожала полная потеря подвижности. Врачи настаивали на немедленной посылке Никитина в Пятигорск для лечения. Но то ли в Ростове не верят врачам, то ли еще что, только путевки Никитин не получил. После долгих мытарств (осенью прошлого года) он решил написать жалобу в Москву.

И вот попало письмо Никитина в ВЦСПС, в отдел содействия, в нежные руки старшего инспектора по жалобам Махонькова. Убоявшись нарушения субординации, Махоньков одним махом «спустил» жалобу Никитина по ступенькам профсоюзной лестницы — в ЦК союза работников высшей школы и научных учреждений.

Из ЦК союза жалобу таким же манером «спустили» в Ростовский обком союза.

11 ноября 1937 года жалобу, наконец, рассмотрели в Ростове. Здесь-то и сказались с особой силой пресловутые осложнения.

Пока письмо Никитина путешествовало по городам и весям, жалобщик успел окончить университет и, перейдя работать в крайЗУ, стал под славные знамена профсоюза работников земельных органов.

Узнав об этом, председатель обкома союза работников высшей школы и научных учреждений Мануйлов решил, что подобное ренегатство члена союза должно быть примерно наказано. А решив, постановил: выделить от щедрот своих 250 рублей на частичную оплату путевки в санаторий. А так как Никитин «в настоящее время работает в крайЗУ, переслать материалы, полученные из ЦК союза, в обком союза земельных органов и просить обком союза выделить дополнительную сумму...»

Что и говорить, возмездие было задумано тонко. «Скупые рыцари» из обкома работников земельных органов — председатель Безруков и его достойный заместитель Крайниченко — и не подумали раскошелиться.

— Ты у нас человек новый... — сказали они Никитину. — Да и обком союза высшей школы за тебя мало приплачивает. Вот пускай они набавят...

А пока длится постыдный торг между двумя обкомами, пока профсоюзные чиновники сговариваются о надбавках и скидках, состояние больного Никитина ухудшается.

Впрочем, мы беремся насчитать в этой истории еще трех больных. Несомненно, что и Мануйлов, и Безруков, и Крайниченко — эти внешне здоровые и, наверное, бодрые люди — тоже поражены тяжелым и опасным недугом.

Название ему пускай подберут врачи из ВЦСПС. На всякий случай, мы предлагаем ряд вариантов: хронический бюрократизм, бездушность, черствость.

Заодно рекомендуем заглянуть и в «историю болезни» инспектора содействия ВЦСПС Махонькова. Диагноз и лечение оставляем те же.

СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ ПРО ЧЕРНОГО ЖУКА

Нервным особам, а также детям до 16 лет читать эту страшную историю не рекомендуется.

Жил-был в городе Коврове, Ивановской области, черный-пречерный жук, с усам, с лапками и прочими конечностями.

Жил жук припеваючи, не зная ни беды, ни горя.

Жить бы ему да поживать на воле и в холе до глубокой старости, кабы не повстречал он на своем пути двух глубоко мысленных и энергичных профсоюзных работников — председателя фабзавкома Тимофеева и инспектора охраны труда Чернышева.

Увлекаясь научными проблемами, означенные профработники решили поймать жука, для какой-то цели был привлечен на подмогу в качестве авторитетной научной силы медицинский фельдшер Назаров.

И вот три ковровских мушкетера устроили охоту. Пять дней и пять ночей ловили они жука. На шестой день поймали.

Поймали они жука и, радостные и счастливые, приволокли его на хлебозавод «Красный маяк».

На хлебозаводе дружными усилиями профработников и медицинского фельдшера жук был торжественно положен в тесто и вместе с тестом был запечен.

Так печально закончилась жизнь одного из черных жуков Ковровского района, Ивановской области...

Мы видим, читатель, на вашем лице недоверчивую улыбку. А, может, это даже клевета на профдвижение города Коврова?

Чтоб не было никаких сомнений, приводим документ:

«Мы, нижеподписавшиеся, в составе комиссии пред. фабзавкома завода «Красный маяк» т. Тимофеев М. И., инспектор охраны труда т. Чернышев И. Ф. и мед. фельдшер т. Назаров Н. П. составили настоящий акт о нижеследующем.

28 июля настоящего года гражданином Пыльным И. М., проживающим в деревне Бедрино, Смолянского сельсовета, Ковровского района, был представлен черный хлеб, запеченный черным жуком.

Хлеб, по его словам, братый в пекарне № 2 Краснооктябрьского сельпо, находящемся на хлебозаводе «Кр. маяк». При осмотре оказалось:

Жук имел светловороненую окраску, усы, лапки имеющие на таковых покров...»

Итак, в хлебе, купленном Пыльным, оказался запеченный жук. Пыльный, понятно, ничуть не обрадовался подарку. Он пришел на хлебозавод с протестом.

Профсоюзная организация завода обиделась. Не может того быть, чтоб у них на заводе запекали в хлеб жуков. Фабзавком, не щадя живота своего, проводит такую усиленную культпросветительную работу на заводе! И вдруг какой-то жук!

— Поклеп! Клевета! Мы научно докажем, что в хлебе не было никакого животного!

Составляется акт, где подробно описывается жук, представленный Пыльным.

Затем профработники вкупе с фельдшером ловят другого жука, запекают его в хлеб и в тот же акт записывают следующее:

«По уточнению данного вопроса нами был запечен жук такого же вида, причем оказалось: жук вместо имеющейся вороненой окраски совершенно оказался черный, все его конечности деформировались, и часть отвалилась.

Выводы комиссии: предъявленный гражданином Пыльным хлеб с жуком был по сравнению с запеченным жуком в громадной расхождении, т. е. вид его не отходил от живого жука».

Что и требовалось доказать! Никакого, видите ли, жука в хлебе не было. А здоревший Пыльный принес живого жука, которого и пытался выдать за мертвого. А на хлебозаводе все хорошо и благополучно и никаких безобразий на сегодняшний день не замечается, поскольку во главе профорганизации находится стойкий председатель Тимофеев и безукоризненный инспектор охраны труда Чернышев, а их обоих научно поддерживает медицинский работник Назаров...

Выше, в примечании к этой заметке, мы просили нервных особ, а также детей до 16 лет не читать нашей истории про жука.

Сделали мы это по следующим мотивам:

- 1) нервные граждане могут начать слишком крепко ругаться по адресу ковровских охотников за жуками. А мы — против ругани;
- 2) что касается детей, то мы хотели бы не омрачать их счастливого детства: к чему им на заре жизни знать, что у нас еще кое-где водятся такие несусветные головотяпы?..

В ЗАЩИТУ ВОЛОВ

Некоторые циркуляры и постановления ЦК союза строителей тяжелой промышленности центра и юга Московский обком этого же союза ждет по 2—3 месяца.

— Что их, на волках, что ли, посылают?.. — пожаловались нам.

Крокодил решительно выступает на защиту напрасно обиженных животных: несомненно, что упомянутые волы не позднее чем в 24 часа дотопали бы от Калужской заставы до Интернациональной улицы, 6. Нет, сдается нам, что волы тут вовсе не при чем. И между тем факт остается фактом.

13 мая президиум ЦК союза любезно выслушал доклад Московского обкома союза о ходе ликвидации неграмотности. Прошел май, за ним июнь, июль — и только в августе ЦК прислал обкому долгожданное постановление.

Увы, не только неграмотных постигла такая злая судьба! Еще круче обошелся ЦК с постановлением по докладу обкома о летних оздоровительных мероприятиях среди детей строителей. Уже прошло лето. Детишки успели выехать в лагери и вернуться обратно. Но постановление «О плане подготовительных мероприятий на лето 1938 г.» все еще не прибыло. А вы говорите—волы! Нет, эти неторопливые животные кажутся рысакими рядом с чиновниками из ЦК союза строителей тяжелой промышленности центра и юга!

ПО ЛИНИИ ДОСТАВКИ

Представьте себе, что вы, собравшись в городскую баню, найдете на ее дверях объявление:

«Лица, желающие мыться в бане, обязаны доставить в таковую необходимое количество горячей воды».

Вы скептически улыбаетесь? «Где это видано!»

А вот и видано. В Пензе видано. Там есть Госшвейфабрика № 4. На фабрике есть фабком. В фабкоме есть председатель Шибаев.

Хорошо, скажете вы, причем же тут кипяток? Вы правы: кипяток не при чем. Дело в бензине. Для автомашин. А машины — для перевозки дров. А дрова — для рабочих. На зиму.

— Что за чушь! — воскликнете вы. — Где ж тут логика?

Э-э, логики тут... Логики тут столько же, сколько в объявлении, вывешенном Шибаевым на дверях фабкома Госшвейфабрики:

«Фабрика принимает перевозку дров на квартиры рабочим фабрики, сдавшим шоферу бензин 30 литров (один рейс — 3 кубометра дров). Стоимость перевозки — 21 рубль за 3 кубометра дров. Фабком фабрики».

Теперь понятно? Хочешь получить дрова — принеси бензину. А что сложнее — первое или второе, — Шибаева не интересует. Его интересует другое — возможность записать в отчете для вышестоящих профсоюзных органов, что, к примеру, «на фронте бытового обслуживания рабочих фабкомом проявлена забота по линии доставки дров на квартиру каждой отдельной рабочей семье». И уверены, что он так и напишет, если его вовремя не удержат...

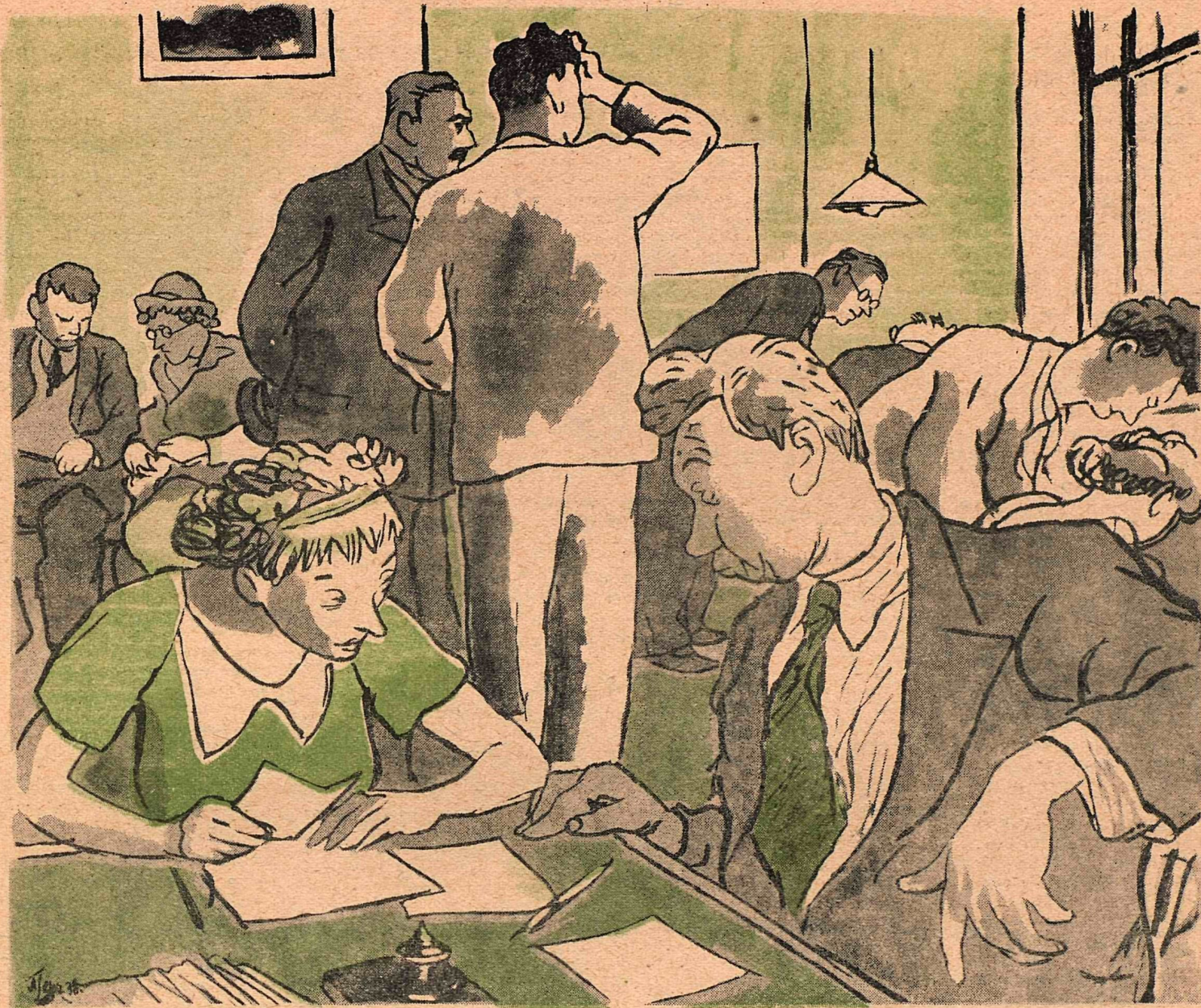

Рис. Л. Генча

В ПРОФСОЮЗНОЙ ИНСТАНЦИИ

— Эти посетители, видно, большие бездельники: вот тот, высокий, ходит к нам за справкой уже полгода.

СЕМЕЙНАЯ ИДИЛЛИЯ

С тех пор как Н. М. Малахов, председатель завкома Кропоткинского госпиззавода № 7 (город Кропоткин, Краснодарского края), начал собираться в отпуск, он потерял покой, сон, аппетит. Сомнения терзали его. Ворочаясь в постели, он мучительно решал задачу: кому оставить на время отпуска завкомовскую печать? Еще и еще перебирал он наличный состав членов завкома. Ни одно имя не радовало Малахова. Чужая душа — потемки. А вдруг?.. А если?..

И вот Малахов нашел блестящий выход из положения. Конечно, единственный человек, достойный хранить печать завкома, — его, Малахова, жена. Только она и никто больше! Ее он знает уже давно. К ней привык. Все-таки свой человек.

Сказано-сделано. Вручив бразды правления надежной подруге жизни и повесив на своем столе записку «в стол прошу не лазить», находчивый предзавкома отбыл на курорт. Сомнения больше не вкрадывались в его сердце. Оно было спокойно.

А мы не спокойны. Мы беспокоимся за профорганизацию, во главе которой стоит этот нежный муж и добродетельный семьянин.

Роза

Действительно, секретарша в месткоме была очень красива. Не мудрено, что освобожденный председатель, некто Безменов, влюбился в нее. Когда в комнате никого не было, Безменов вздыхал, не смея сказать о своей влюбленности. Как-то после обеденного перерыва Безменов купил на углу розу и, накрыв ее кепкой, принес в местком.

— Конкордия Ипатьевна, — сказал Безменов, — вот вам мой скромный подарок. Засушите ее и потом будете вспоминать обо мне.

— Где ее сушить?

— Ну хотя бы в этой книге.

— Да разве она засохнет здесь? Это же книга протоколов. Будут ее вечно раскрывать, читать, проверять.

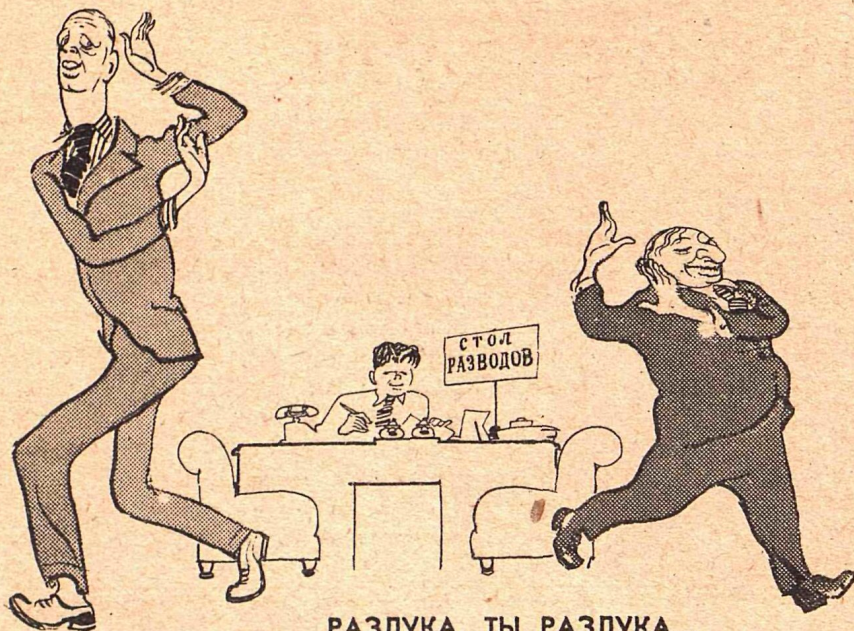
Освобожденный председатель усмехнулся:

— Кого раскрывать? Кого читать? Кого проверять? Это же протоколы производственного сектора, Конкордия Ипатьевна!

— Ах, это производственного! — воскликнула секретарша. — Я думала, что здесь другое. Да, здесь роза отлично сохранится и высохнет.

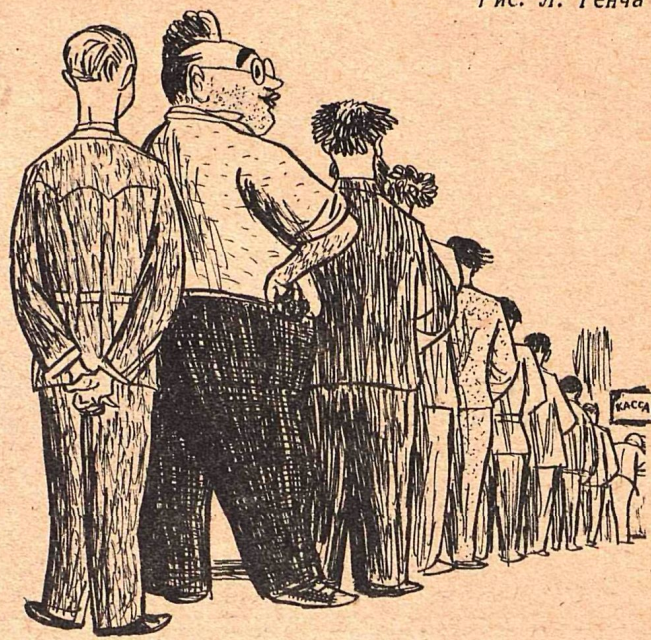
И, раскрыв страницы, давно не видавшие света, вложила между ними розу.

В. ТОБОЛЯКОВ

РАЗЛУКА, ТЫ РАЗЛУКА...

Камерный театр и бывший Реалистический (под руководством Охлопкова) опять раз'единены.

МНОГО «ЧЕСТИ»

Работник Комитета по делам искусств тов. Гольдман, не зная грузинского языка, перевел пьесу Мдивани «Честь», которая ставится многими нашими театрами.

ТАИРОВ:

Что дружба, пестрая заплатка.
Глядишь, а там забыл о ней.

ОХЛОПКОВ (глота слезы):

Я вас любил любовью брата,
А, может быть, еще нежней.
Я в трудный час, во имя дружбы,
К вам полечу стрелы быстрей.

ТАИРОВ (испуганно):

Не искушай меня без нужды

Возвратом нежности твоей...
(Общие рыдания)

Они прощаются, и вновь
Жить будут врозь, как и вначале.
Была без радости любовь,
Разлука будет без печали.

ОЛИВЕР СВИСТ

ОЛИВЕР СВИСТ

Да, с языком я не знаком —
Я в воду лез, не зная брода,
Но в положении моем
Препятствий нет для перевода.
И касса есть! И пьеса есть!
Ее судьба в моем кармане.
Вот тут я постою за честь...
...За «Честь» Мдивани!

В садике

В садике, куда на лето переезжает Московский клуб мастеров искусств, в одной из беседок, происходит радостная—после летнего перерыва—встреча двух артистов.

— Где вы отдыхали?

— Я в Крыму. А вы?

— Я в доме отдыха одного треста, тут, под Москвой. Мне так нахвалили этот дом отдыха, что я две недели добивалась путевки.

— И что же?

— Добилась. Ничего особенного. Дом — как дом. Кормят—как кормят. Одно хорошо: совершенно нет актеров. Так отдыхаешь от этих вечных разговоров о ролях, о пьесах, об окладах, о концертах и поездках... Так отдыхаешь, что даже скучно делается. А вокруг люди, которые о театре говорят так: «Скажите, вы всегда гримируетесь, когда играете? Это очень больно — гримироваться? А роли вы наизусть учите?» Такая тоска...

— Вот, вот! Я была в Крыму, в доме отдыха Рабиса, так там полно посторонними. И они тоже спрашивают о гриме, о париках, о том, что будет у нас в театре зимой...

— Да! Что же у вас будет в этом сезоне?

— Не знаю.

— То есть как вы не знаете? Даже в газетах был репертуарный план вашего театра. Сперва пойдет что-то классическое, потом что-то неклассическое, современное... Или нет! Сперва современное, потом классическое, потом западное, а потом сразу две пьесы...

— А вы побольше верьте!

— А разве у вас тоже?

— Что «тоже»?

— Ну... липовый план?

— Спрашивает!

— А что же, например, вам говорит руководство театра? Ведь оно вам что-нибудь говорило, да?

— Говорило. Только какое руководство: художественное или административное?

— А разве оно разное говорит?

— Ну, конечно. Каждое руководство каждому актеру говорит другое.

— Ну прямо как у нас!

— Потом, заметьте, в газеты сообщали еще другое. А я случайно встретилась с одним автором, пьеса которого, кажется, должна пойти в этом сезоне...

— Это автор современной пьесы?

— Как-раз это автор классической пьесы. То есть он переделал классическую пьесу. И теперь, когда он приходит в театр, то дежурный капельдинер докладывает директору: «Семен Петрович, там автор «Отелло» пришел...»

— Ха-ха-ха!.. Это забавно! Так что же вам рассказал автор «Отелло»?

— Он мне рассказал, что ему руководство сказало совсем не то, что оно сказало мне и что написало в газеты.

— Вечная история! А какие лично у вас перспективы работы в этом сезоне?

— Как вам сказать?.. Я еще весной разговаривала с руководством.

— С каким?

— С обоими сразу. И оно... то есть они мне сказали так: сезон нам еще не ясен, но во время гастрольной поездки у вас будет много работы...

— Серьезно?

— Ну, еще бы! Мы повезли всего три пьесы, чтобы не возить много декораций. И я, действительно, играла по 35 спектаклей в месяц, но... всего одну роль. Это не работа, а каторга!..

— Да, да, да!.. Теперь актрисы играют так редко... Вы знаете, к нам в театр пришла наниматься одна пожилая актриса. Ее спрашивают: «Какая была ваша последняя роль?» Она говорит: «Офелии». Наши так и ахнули. «Вы что же, — говорят они актрисе, — хотите играть молодых героинь?» Та отвечает: «Да нет, я нанимаюсь к вам как комическая старуха, но последняя роль у меня была Офелии: с тех пор у меня работы в театре не было, хотя я все время служила...»

— Ужас! Ужас!.. Но что это все я говорю? Расскажите мне про себя. Как у вас прошла летняя поездка?

— Ничего. В трех городах был огромный успех, и моральный и материальный. А в одном городе успех был только моральный...

— Почему?

— Потому что, оказывается, до нас в этом городе четыре театра показывали ту же пьесу. А городок небольшой. Мы играем при пустом почти зале, а те немногие зрители, что сидят в партере, громко суфлируют нам всю пьесу. Или вдруг, когда замечают

купюру, кричат: «Эй, эй, не жулить! Тут еще этому вон бородатому надо говорить про свою любовь!..» Каково это?

— Ужас! Ужас!.. А как ваш брат? Он, кажется, теперь в провинции?

— Да... шесть лет служил на первом положении, а теперь, в связи с этим стационарированием, уходит.

— Как «уходит»? Ведь стационарирование — как-раз наоборот! — Говорят. Но руководство того театра, где работает брат, решило, что если актеры должны оставаться навсегда, то надо набирать новых.

— Да почему?

— Во-первых, потому, что с этими актерами склоки велись из расчета на один—два сезона. Так что отношения теперь испорчены.

— А-а-а...

— И потом среди этих актеров есть такие, которые свободно могут заменить художественное руководство, поскольку оно было слабое...

— А-а-а...

— Ну, и вот мой брат ищет работы. Хотел в Москву, но я ему сказала: «Чего-чего, а ролей в Москве не выдают совершенно».

— Да, да, увы, это так... Очень приятно было встретиться... Эта шляпка у вас московская?..

— Представьте, да! Я ее купила у...

Тут разговор принял несколько другой характер, гораздо менее интересный для широких читательских масс.

ИВАН ДИТА

Переселение душ

(Сценка)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Врач в доме отдыха

Сестра « « «

Спокойный отдыхающий

Нервный отдыхающий

Действие происходит в горном доме отдыха на Кавказе. Кабинет врача.

ВРАЧ (играя сам с собой в шашки). Интересно знать, почему мне здесь все время хочется покоя?!

(Вбегает сестра).

СЕСТРА. Петр Иванович, шестнадцатая салфетка опять разбила седлом кобчик!

ВРАЧ (не отрываясь от шашек). Дайте ему что-нибудь.

СЕСТРА. Петр Иванович, у нас в аптечке ничего, кроме вазелина, не осталось.

ВРАЧ. Вот вазелину и дайте. Вазелин смягчает!..

СЕСТРА (уходит, но в дверях останавливается). Да, чуть не забыла!.. Как же все-таки быть со вторым?

ВРАЧ. Сестра, я же сказал шеф-повару: замените паровыми макаронами. Ведь у нас макарон девать некуда!..

СЕСТРА. Петр Иванович, я не про макароны. Я про этого, про маленького из второго номера, которого мы переводим из южного корпуса в четырнадцатый северного.

ВРАЧ. Это какой маленький? Которого мы со станции отдельно от чемоданов привезли? Беспокойный такой?

СЕСТРА. Тот самый! Он заперся на ключ и категорически отказывается переходить в северный.

ВРАЧ. Что он говорит?

СЕСТРА. Он говорит, что оттуда нет вида на хребты!

ВРАЧ (философически). Триста отдыхающих, и каждый хочет жить с видом на хребты!.. Мы не можем всех обслужить хребтами. Пусть раз в году посмотрит в обратную сторону!

СЕСТРА. А этот, который сейчас живет в четырнадцатом северного, сказал, что если ему не дадут второй номер южного, он в знак протеста уйдет жить на соларий.

ВРАЧ. Вот этого нельзя допустить. Он там обгорит, а у нас и так вазелину не хватает. Попросите его зайти ко мне.

СЕСТРА. Хорошо (уходит и быстро возвращается). Петр Иванович, он здесь, этот... четырнадцатый. Примете?

ВРАЧ. Давайте, чорт с ним... (задумчиво). Совершенно не понимаю, почему мне так безумно хочется покоя? (Входит спокойный отдыхающий).

СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. Разрешите?

ВРАЧ. Пожалуйста. Садитесь.

СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. Ну вот, я, значит, к вам. Моя фамилия—Курицын Иннокентий Кузьмич.

ВРАЧ. Очень хорошо. Так и запишем (заполняет карточку). На что жалуетесь?

СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. Жалуюсь на то, что до сих пор не переведен в южный корпус. Мне его еще в Харькове обещали.

ВРАЧ. Успокойтесь, больной... Все уладится... Скажите, ваши родители живы, умерли?

СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. Умерли... А когда вы меня переведете?

ВРАЧ. Умерли? Очень хорошо. Так и запишем (пишет). Сами чем болели в детстве? СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. В разное время разным болезнями.

ВРАЧ. Очень хорошо. Так и запишем. Болел разными заразными болезнями. А какими именно?

СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. Корь, коклюш, чесотка... Имейте в виду, что в северном я жить не буду.

ВРАЧ (пишет). Корь, коклюш, чихотка... Очень хорошо... Дальше.

СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. Еще гланды у меня вспухали.

ВРАЧ. В каком году вспухали гланды? Хотя это неважно. Еще что у вас было?

СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. Сильные и легкие ушибы были.

ВРАЧ. В какой области? СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. В Южно-Кавказской. Упал с лошади.

ВРАЧ. Очень хорошо. Так и запишем. Разденьтесь, больной... А впрочем, не надо. Я вас и так выслушаю.

(Осматривает больного. Вбегает сестра).

СЕСТРА. Петр Иванович, семьдесят пятая салфетка на прогулке увидела медведя. Теперь просит вазелину!

ВРАЧ. Дайте, чорт с ней!.. (Сестра убегает).

СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. Ну, как? ВРАЧ. Все хорошо. Сердца у вас даже больше чем надо.

СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. Значит, я могу заняться восхождением на вершины? Первым делом я думаю взять штурмом чортов замок!

ВРАЧ. Чортовы замки вам противопоказаны. СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. Как же так, доктор? Ведь я даже горные ботинки привез.

ВРАЧ. Ботинки вам противопоказаны.

СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. Ну хоть верхом-то я могу кататься?!

ВРАЧ. Можете. Только шагом, только в тени и только не на лошади.

СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. А на чем же?

ВРАЧ. На каком-нибудь более спокойном животном. У вас, голубчик... Ой!.. (со стоном хватается за сердце).

СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. Что с вами, доктор?

ВРАЧ. Сердце!.. СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. Дайте пульс!.. (слушает пульс у доктора). Ну-ка, голубчик, снимите халат.

(Врач покорно снимает халат. Отдыхающий надевает его и выслушивает доктора).

ВРАЧ (после осмотра садится на свое место). Ну как?

(Вбегает сестра).

СЕСТРА. Петр Иванович, тринадцатая салфетка свалилась с пика...

ВРАЧ (молча машет рукой).

СЕСТРА. Петр Иванович, но ведь вазелин весь кончился... Чем заменить?

ВРАЧ (в полном обалдении). Я же сказал—заменяйте паровыми макаронами... Ведь у нас макарон девать некуда...

(Пораженная сестра убегает).

ВРАЧ. Что же мне делать?

СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. Вам нужен абсолютный покой...

ВРАЧ. Вот и мне это кажется.

СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. Будете в Харькове, я вас, коллега, устрою в свою клинику, и мы вас быстро поставим на ноги. А за это вы меня сегодня же переведете в южный корпус с видом на хребты...

(Входит нервный отдыхающий в полной парадной туристской форме, с альпенштоком в руках).

НЕРВНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ (дипломатически вежливо, обращаясь к спокойному отдыхающему, одетому в халат). Простите, вы врач?

ВРАЧ (радостно). Да, да, он врач.

НЕРВНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ (садится на стул, с минуту часто и глубоко дышит, потом кричит диким голосом). Я приехал сюда отдыхать, а не заниматься обменом комнат. Я никуда не уйду из южного корпуса!

СПОКОЙНЫЙ ОТДЫХАЮЩИЙ. Почему?

НЕРВНЫЙ. Потому что у моей жены три с половиной оригинальных научных труда. Ее знают в лимитрофах!.. В северный корпус вы переведете только мой труп!

ВРАЧ. Вам все-таки придется перейти в северный. Я вас очень прошу.

НЕРВНЫЙ (смотрит на врача, которого принимает за отдыхающего). А, я все понял! Это вы метите на мой номер в южном!.. Этот номер вам не пройдет! Я буду протестовать в прессе! Я пожалуюсь своей жене!..

СПОКОЙНЫЙ (выходя из себя). Хоть сестре, хоть тетке! Южный корпус мой! (К врачу) Подтвердите, гражданин.

НЕРВНЫЙ. Что вы апеллируете к отдыхающему?

СПОКОЙНЫЙ. Мне это, наконец, надрело! Я завтра же перейду в дом отдыха шоферов.

НЕРВНЫЙ (хватает его за халат). Доктор, я вас никуда не пушу до тех пор, пока вы не закрепите за мной южный корпус с хребтами.

ВРАЧ (умоляюще). Больные, успокойтесь!.. Боже мой, как мне хочется покоя!

НЕРВНЫЙ (набрасывается на врача). Слушайте, что вам здесь надо? Что вы все время вмешиваетесь? Вы же, кажется, спортсмен. Идите себе, играйте в волейбол...

ВРАЧ. Я не могу...

НЕРВНЫЙ. Не можете в волейбол, идите в северный корпус. Там все спортсмены собрались. У них соревнование в двадцать одно...

(Вбегает сестра. Глаза у нее круглые от ужаса).

СЕСТРА. Петр Иванович, со станции пришла пешком новая партия отдыхающих! Тридцать человек—и у всех заслуги! Все хотят в южный корпус с хребтами!.. Придется ставить по три койки в номер... А этих товарищей... (показывает на Спокойного и Нервного) мы поселим в биллиардную.

(За сценой грозные голоса: «Кто здесь главный врач?» Топот ног. Стук сбрасываемых с плеч чемоданов).

ВРАЧ (падая на колени и простирая руки). Больные, успокойтесь!!

ЛЕОНИД ЛЕНЧ и СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Перелистывая журнал «Красная новь» за 1938 год, я наткнулся во второй книжке на рассказ Лины Нейман «В гостях у Айзика», действие которого происходит в Херсоне.

Из этого рассказа я узнал, что в Херсоне имеется какое-то море, очень громадное море. «Скоро Херсон, и скоро море, но какое громадное!» — пишет Лина Нейман.

Но еще более меня обрадовало следующее: «Надо спешить со станции на трамвай...»

«А трамвай и вовсе не спешит... А он (трамвай) только и знает — звонит и останавливается, звонит и останавливается».

Все это обрадовало меня: значит, в Херсоне есть трамвай.

Приезжаю в Херсон. Ищу трамвайную остановку. Нигде ничего похожего нет.

— Где ваш трамвай? — спрашиваю какого-то прохожего.

Он посмотрел на меня удивленно:

— Самый ближайший от нас трамвай — в Николаеве. А у нас, в Херсоне, пока еще нет.

— Как же это так? Вы еще скажете, что у вас и моря нет?

— Что? Моря? Трамвай, может, еще когда-нибудь построят, но моря у нас никогда не было и, как видно, не будет. От нас до моря километров сто...

Прохожий не соврал. Соврала Лина Нейман. Она подвела и меня и доверчивую редакцию «Красной нови», которая напечатала ее рассказ.

МАТВЕЙ БАЛЧУГ

ДЕЛА АРХИВНЫЕ

7 июля сего года «Учительская газета» в статье «Школы крайнего севера» (авторы Банковский и Землянский) сообщает:

«Население тундры и тайги хорошо знает своих народных учителей...»

Добавим окончание к этой фразе: «Хорошо знает своих народных учителей, чем выгодно отличается от корреспондентов «Учительской газеты».

Почему такое добавление? А вот почему. Ниже в статье упрекают заведующего Таймырским окрОНО Сокова за то, что он недооценивает обучения родному языку. А между тем, если кто недооценивает чего, так это скорей «Учительская газета». И недооценивает она тот факт, что тов. Соков в 36-м году ушел с поста заведующего Таймырским окрОНО.

Значит, два года — срок чересчур короткий, чтобы «Учительская газета» и ее корреспонденты осознали перемену в личном составе окрОНО. Спрашивается: сколько же времени нужно на это? Три года достаточно?

Если достаточно, примем такую оперативность, но попросим «Учительскую газету» писать подзаголовки:

«Архив наркомпросов союзных республик и ЦК профсоюзов работников начальной и средней школы».

ШЕКСПИР ОШИБАЛСЯ

Вместе с Шекспиром мы думали, что Яго из «Отелло» — это классический тип клеветника, злодея, предателя и завистника. Оказывается, мы вместе с Шекспиром ошибались. Яго — вполне проверенный товарищ, положительный тип. Так, по крайней мере, думает рецензент Ростовской на Дону «Большевистской смен» В. Алексеев.

В номере от 6 июля он строго поучает артиста Назарова, исполнителя роли Яго:

«Плохо, что он (Назаров.—Ред.) делает его [Яго] несколько грубоватым и бесстрастно холодным эгоистом. Это в известной степени мельчит образ, тогда как Яго должен быть типичным олицетворением эпохи Возрождения, люди которой, по словам Энгельса, не были буржуазно-ограниченными, выступая как страстные цельные натуры, овеянные авантюризм характером своего времени».

Мы понимаем, чего хочет добиться своей рецензией, «овеянной характером неграмотности», рецензент Алексеев:

«Они хотят свою образованность показать».

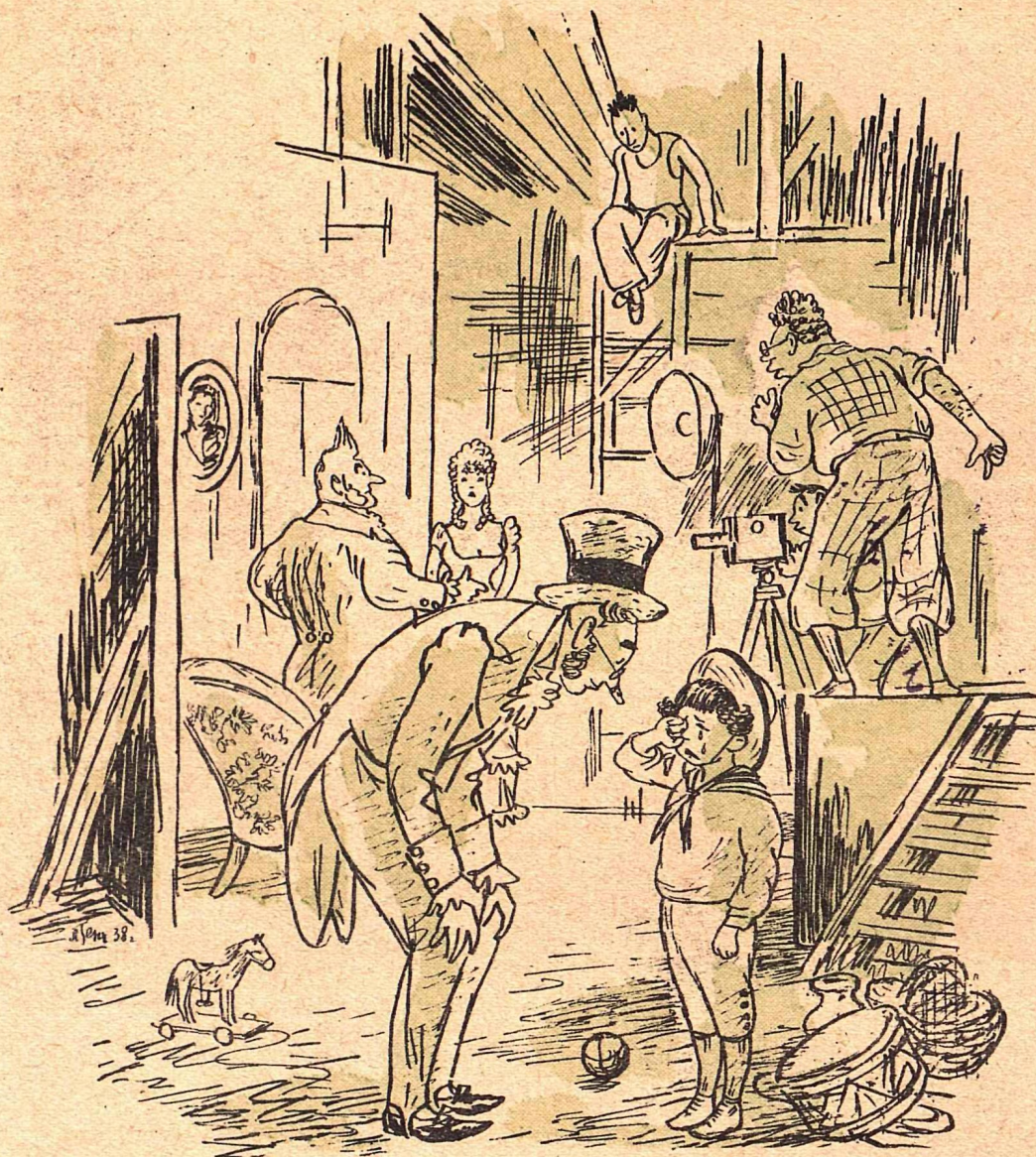

Рис. Л. Генча

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

ПОМРЕЖ: — Чего реवेशь?

ТРЕХЛЕТНИЙ АРТИСТ: — Режиссер велит плакать, а мне не хочется...

На том же месте, в тот же час...

Я не противник патефона:

Он скромен, прост, приятно мал,

Его творец вполне законно

Достоин лавров и похвал.

Я мог бы более глубоко

Сказать о том, как ценен он,

Но у меня сосед под боком,

А у соседа — патефон.

Пластинок — шесть, отнюдь не новых.

И так милы владельцу все,

Мелькает диск без остановок,

Точь-вточь, как белка в колесе.

Проснусь — сквозь стенку первым делом,

По сердцу будто бы ножом:

«Кобыла ваша околела...»

Все хорошо, все хорошо!..»

И за кобылою ретиво,

Касаюсь половиц едва,

Пугающим речитативом

Глухие движутся слова:

«Если эту бороду

Расстелить по городу...»

Порядок дальше мне известен,

Звучит за стенкой мягкий глас:

«Так значит завтра

На том же месте

В тот же час...»

Я не могу. Встаю. Мне плохо.

По гребням музыкальных вод

Всплывает вдруг с тяжелым вздохом

Громовый возглас: «Па-ро-ход!!»

Работать хочется — нет мочи,

За стол присядешь — сразу вскочишь.

«На карнавале под сенью ночи,

Вы мне сказали: «Люблю вас очень...»

Без перерыва, без заминки,

С зарею, в полдень, ночью, днем

Скрежещут яростно пластинки

Все об одном, все об одном,

Врезаюсь в уши, прямо в тело,

Стирая мысли в порошок:

«Кобыла ваша околела...»

Все хорошо, все хорошо!..»

Потушен свет, ложусь несмело,

И вновь звучит одно и то ж:

«Кобыла ваша околела...»

Ну, околела? Ну, так что ж?

Я не желаю, чтобы лошадь

Мне слух испортила навек.

Ведь я же все-таки хороший,

Ценящий песни человек...

Г. ПОМЕРАНЦЕВ

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Случилось, что рабочие Куртамышской МТС, Челябинской области, возмели желание обзавестись собственным оркестром. Особо крупного ансамбля пока что решили не создавать и на первых порах ограничили свои дерзкие мечтания скромным коллективом в 18 трубочек.

Увы, стоило нам обратиться на ленинградскую фабрику духовых инструментов, как вся наша музыкальная затея вылетела в трубу. В ответ на нашу просьбу изготовить комплект инструментов начальник фабричного отдела сбыта Кобелев любезно сообщил, что он, Кобелев, горит желанием выполнить наш заказ, но просит обеспечить его листовую латуню толщиной 0,5 мм — 0,6 мм всего навсего в количестве 350 килограммов!

Понимаешь, любезный Крокодил, триста пятьдесят килограммов, двадцать один пуд, металла, и ни на грамм меньше! А у нас, если собрать по всей МТС все примусы, керосинки, чайники и шейные запонки, и то не наберешь десятой доли этого латуниного клада.

И это на 18 духовых инструментов, среди которых есть и такие, что вместе с пюпитром для нот весят не больше 4—5 килограммов. Если верить Кобелеву, выходит, что бас-геликон должен весить никак не меньше 5—6 пудов. Уж на что наши трактористы — народ крепкий, и то наогрыз отказываются вешать на шею такие жернова. Мы, говорят, думали, что будет оркестр, а тут получается как-то секция гиревиков...

Может быть, ты, Крокодил, сможешь нам разобраться во всей этой музыке?

Пред. рабочкома
Куртамышской МТС
БОРОДИН

с. Куртамыш,
Челябинской обл.

Дорогой Крокодил!

Директор сулейнского элеватора Петров без ведома местного отдела связи задумал навести порядок в телефонном хозяйстве элеватора. Под его руководством аппарат стали перетаскивать с места на место. Но то ли несознательный телефон не знал, с кем он имеет дело, то ли монтерские способности Петрова оказались весьма ограниченными, но только перенесенный в проходную будку аппарат категорически замолчал. Тогда Петров самодично взялся разобрать непокорную машину. Разобрать разобрал, а собрать все-таки не сумел. Пришлось отправить аппарат на телефонную станцию.

Там сокрушенно осмотрели калеку и предложили уплатить

65 рублей за ремонт повреждений, нанесенных директором любопытством. Такой обиды Петров, конечно, снести не мог и решил проучить бестактных связистов. В тот же день наш отдел связи был лишен электроэнергии. Стыдливо мигнув, погасли лампочки, перестали гудеть провода, остановились аппараты. Ошеломленные связисты бросились к директору, но он остался неумолим. На одном из слезных писем, просивших включить свет, Петров еще раз соб-

ственноручно нацарапал: «Гов. Бланк. Предлагаю снять то-есть отцепить электроинергею!»

Как хорошо было бы, дорогой Крокодил, дать самодуру Петрову возможность на досуге задуматься над своими поступками! Руководя элеватором, он, бедняга, не имеет на это времени.

Сотрудник отдела связи
В. КЕСКЕВИЧ

Поселок Сулея,
Челябинской обл.

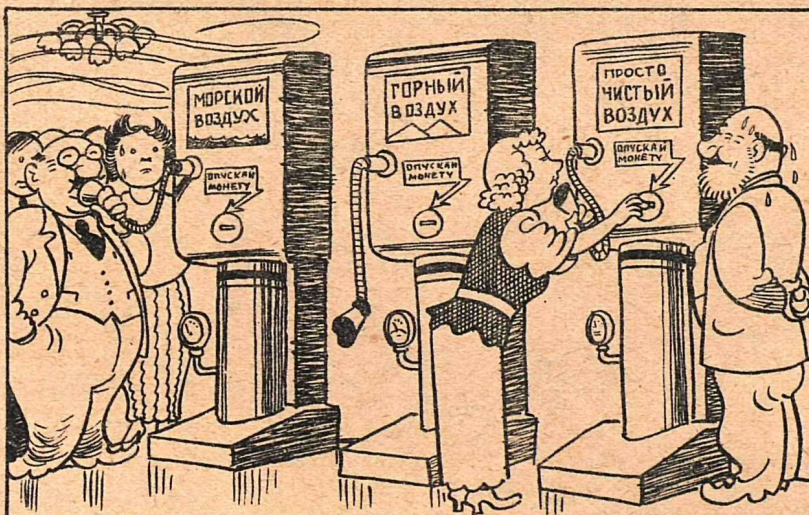
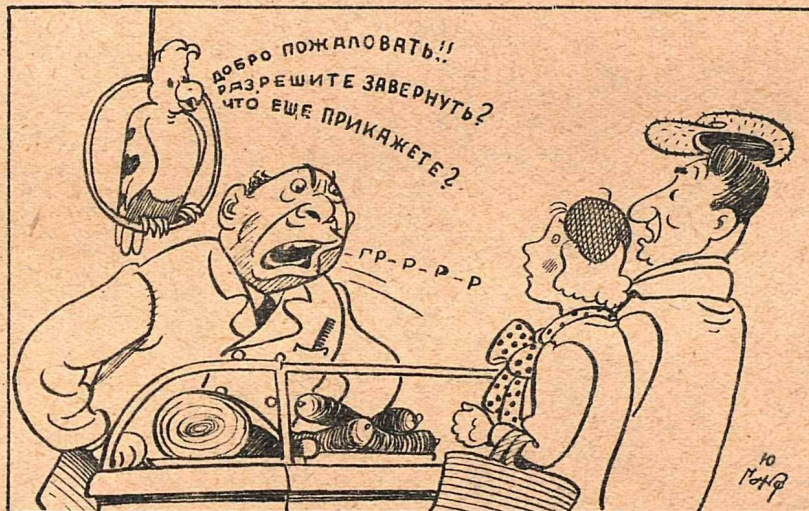

Рис. Ю. Ганфа

Пытливая мысль крокодильских художников нет-нет и совершает новые крупные изобретения или открытия.

Вот художник Ганф долго мучился над вопросом, как грубого продавца обратить в вежливого. И что же? Придумал!

Наш художник положил в основу своего проекта следующее: над грубияном вешают попугая. Хорошо обученный попугай говорит необходимые любезные изречения. Данный агрегат действует бесперебойно.

А второе изобретение посвящено открытию театрального сезона. Всякий знает, что в театральных фойе дышать, как правило, нечем. Не хватает даже спертого воздуха.

Как тут быть? Вы скажете — вентиляция? Пробовали. Ничего не получалось: день эта самая вентиляция работает, а потом и она не выдерживает того самого воздуха, который мы условно выше назвали спертым. Поэтому Ю. Ганф предлагает ставить небольшие такие озонаторы индивидуального пользования по типу автоматов. Воздух в этих аппаратах может быть самый разнообразный, что и указано на нашем рисунке.

Вместе с тем пользуемся случаем сообщить, что, поразив мир вышеуказанными двумя изобретениями, крокодильская мысль отнюдь не почилла на лаврах. Дальнейшие изобретения делаются и надних будут опубликованы.

Товарищ Крокодил!

Нельзя сказать, что Абдулинский райисполком не заботится о школьном строительстве. Еще в апреле 1935 года райисполком решил выстроить новое помещение для Нижнекурмейской неполной средней школы. Выделили средства, отвели участок, подвезли материалы — и работа закипела.

В районе радовались, но радость была преждевременной. Дело со строительной школы не вытанцовывается и по сей день. Страстный порыв райисполкома и района к народному просвещению скоро остыл. Они увлеклись новым строительством, на сей раз — танцевальной площадки. Эта стройка представлялась им настолько важной и срочной, что на нее употребили материалы, предназначенные на школу.

Не знаешь ли ты, товарищ Крокодил, что могут вытанцовать руководители района за срыв строительства школы?

Директор Нижнекурмейской
неполной средней школы
Т. П. МАЙСКИЙ

Абдулинский район,
Оренбургской обл.

Дорогой Крокодил!

Всю свою жизнь я был убежден, что монопольное право пользования космическими цифрами принадлежит астрономам и авторам фантастических рассказов. Сейчас я вижу, сколь горько заблуждался. Судя сам. Недавно Украинское отделение Союзфото порадовало нас (а значит, и другие редакции) очередным комплектом фотостраниц. Зная изумительную гибкость Союзфото, мы не удивились месячному опозданию снимков. Нас поразило иное. В одной из фотостраниц, в подписи под снимком, сказано так: «Лучший стахановец киевского завода станков-автоматов имени Горького М. Я. Швиненко, выполнивший 20 июня за 2 часа 4 минуты норму на 50 020 процентов...»

Дорогой Крокодил, автор этого письма твердо верит в огромные возможности стахановского движения. Он помнит рекорды Стаханова, Бусыгина, Проинина, Гудова, Сметанина, Кривоноса, Мусинского и других. Но пятьдесят тысяч двадцать процентов нормы за 2 часа — извините!.. По моему это даже не фантастика, а попросту бред фотокорреспондента, любовно выслушиваемый и распространяемый редакторами Украинского отделения Союзфото.

Ответственный секретарь
редакции газеты «Большевик
транспорта»

Л. АРДАШОВ

г. Запорожье.

Редактор — Ших. КОЛЬЦОВ. Редакция: Г. РЫКЛИН, Л. РОВИНСКИЙ, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-58; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 877

Сдача текста и рисунков 25/VIII 1938 г.

Подп. к печати 7/IX 1938 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б—50836. Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 2010. Тираж 275 000 экз.

ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ
 15 ДЕНЬ 938
 Всес. Нн. Палат. Получены

	период и серии	„Лет рецензий“	„Юри. лет“
Получ. в ред.	14/13		
дан в архив	15/13		

Рис. Л. Генча

БОЕВОЙ ПРИКАЗ

— Приказываю тебе как отец: бей врагов, нарушающих советскую границу, до полного уничтожения!